

18+ Юрий Кривенцев

Инвазия

Оскал Тьмы



Юрий Кривенцев

Инвазия. Оскал Тьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68955012

ISBN 9785005973276

Аннотация

Каково человеку, неожиданно получившему способность видеть правду, без проблем проникая в суть вещей? Каково принимать истинную природу мира? Что это: дар или проклятье? Такие вопросы мучают студентку Киру, на которую вдруг свалилось это «счастье». Но вот проблема: подобное не дается просто так. Быть избранным Судьбой – это на благо, а ноша, точнее – миссия, обязывающая использовать свои новые способности для великих свершений, для того, чтобы предотвратить... Впрочем... читайте сами...

Содержание

ЧАСТЬ I ВО ТЬМЕ	5
Глава 1 Меченая	5
1	5
2	16
3	42
4	52
Глава 2 Кто ты?	72
1	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Инвазия Оскал Тьмы

Юрий Кривенцев

*С помощью пространства Вселенная
охватывает и поглощает меня как некую точку,
с помощью мысли я охватываю всю Вселенную.*

Блез Паскаль

© Юрий Кривенцев, 2023

ISBN 978-5-0059-7327-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I ВО ТЬМЕ

Глава 1 Меченая

Когда вы научитесь держать ваше воображение чистым хотя бы некоторое время, вы обнаружите короткие щелчки, как будто кто-то рвёт кусочки пергамента, затем вы сможете увидеть нечто отличное от нашего мира, вы увидите совсем другой мир, где пространство и время имеют совсем другой смысл.

Лобсанг Рампа

Непостижимое и вечное.

Оно незримо, но так явно.

Оно плюс-минус бесконечность.

Оно пугающе забавно.

Алексей Фишев

1

– Ты еще в универе? Ладно, Милка, не буду мешать. Давай, до вечера... – Кира Каин нажала «отбой», сунула мобилку в сумочку идохнула на озябшие ладошки. Теплый живой воздух, покинув тело, тут же превратился в почти непо-

движное облачко пара, застывшего в пространстве, подобно призраку-коматознику.

Тихо, ни ветерка. Грузные хлопья неторопливо опускались на крыши, тротуар, проезжую часть, тут же таяли, превращаясь в мутную влагу уже порядком разросшихся мелких луж, покрывающих асфальтовое лицо полиса неисчислимыми оспинами.

«Вечная проблема южных городов: слова „снегопад“ и „грязь“ – практически синонимы, не зима, а незнамо что...» – студентка шагнула вперед, и тут же, будто подтверждая собственные мысли, влетела ботинком в слякотное месиво у края бордюра:

– Вот же ведь... Зараза!

Вот и супермаркет. Надо бы закупиться...

Спустя четверть часа, выходя на улицу с полным пакетом продуктов, она вдруг стала свидетелем стремительно разыгравшейся драмы. Взвзвываясь невесть откуда здоровенная псина, судя по виду – помесь дворняги и ротвейлера, с утробным рычанием бросилась на притулившуюся у урны пятнистую черно-белую кошку. Диспозиция для мурлыки была незавидная: ни подворотни рядом, ни завалищего дерева, скрыться некуда, да к тому же бедняга была беременна, так что особо не разбежишься. Животинка зашипела и оцетинилась было, но не сработало – барбос был настроен весьма решительно, еще мгновение, и... Казалось – все, и тут... Видя, что иного пути нет, котейка из добычи

вдруг превратилась в охотника, она неожиданно резво взвилась в воздух и вцепилась всеми четырьмя лапами в раззявленную морду агрессора.

– Вот это поворот! – выдохнула Кира.

Взвыв от боли, причиняемой восемнадцатью когтями, раздирающими чувствительную кожу, пес неуклюже попятился и попробовал стряхнуть повисшее на нем осатаневшее животное, но не тут-то было, еще несколько мучительных секунд, скуля и подвывая, хвостатый задира пытался избавиться от живого «намордника», а когда это все-таки удалось, поверженный вояка стремительно припустил прочь, громко сетуя на свою несчастную собачью долю.

На собственной шкуре незадачливый кобель вдруг осознал простую истину: какой слабой не казалась бы жертва, но порой, припертая к стенке, она вынуждена защищаться, и иногда это все же приводит к спасению.

Победительница имела комичный вид: наводнивший кровь адреналин вздыбил всю шерсть до такой степени, что и без того пузатенький зверек сейчас был похож на пушистый шарик на ножках.

– Ах ты... валькирия... – переполненная смесью восторга и умиления девушка присела на корточки и осторожно коснулась головы маленького существа. Кошка чуть слышно муркнула и ткнулась влажным носом в ее ладонь. – Ты, наверное, есть хочешь, – взволнованная студентка достала из сумки пакетик мясного фарша, ловко вскрыла его и по-

ставила перед новой знакомой. – Нет? Гм... сытая, значит.

Повинуясь вдруг нахлынувшему эмоциональному порыву, преисполненная умиления Кира зарылась пальцами в шерсть животного, погружаясь взглядом в неожиданно яркие янтарные глаза, и... утонула в них...

Будто неведомая стихийная сила толкает ее туда – в самую бездну огромных агатовых зрачков, и она летит, летит неведь куда, в манящее, пугающее зазеркалье, падает... возносится... заполняет собой новую незнакомую вселенную...

Жуткий мир, мрачный, безжизненный, устрашающий.

Низкие темно-гранатовые небеса заволочены изодранной пеленой кобальтовых туч, рождающих мелкие хлопья белесого пепла, парящие в тяжелом пыльном воздухе, подобно невесомым трупикам сгоревших мух. Близкий горизонт утыкан корявыми клыками вулканических пиков, которые чадят зловонной гарью, изрыгая магматическое содержимое земных недр под монотонный рокот непрекращающегося тектонического буйства.

Море пылающей лавы покрывает все видимое пространство от края до края. Эта тяжелая раскаленная масса движется медленно, подрагивая иногда огнистыми волнами, словно живая, морщится остывающей шкурой, неторопливо наползает на единственный островок каменистой суши и... упираясь в преграду, медленно гаснет, меняя цвет, застывая черным базальтом, ширя зону непрерывно расту-

щей тверди – прибежища слабой перепуганной гостьи.

Жарко.

Девушка сухо кашляет, и пытается сделать шаг назад, подальше от раскаленной стихии.

Нет движения...

«Почему?»

Она бросает взгляд вниз, на собственные члены и... заходит в немом крике – ее плоть не жива, она – тот же камень, что и вокруг, никакой разницы, словно прибывшая – неотъемлемая часть окружения, обсидиановая Галатhea.

«Боже!»

Что делать? Как вернуть свое прежнее тело?

Нет ответа.

И тут ее накрывает. Нахлынувшая волна паники жарче окружающего пылающего океана, она готова выжечь дотла мятущуюся душу несчастной...

Вдруг... она чувствует: что-то грядет...

Подземный толчок, значительно сильнее остальных. Тяжелая мгlistая наволочь над головой расходится обнажая багровую бездну, услужливо уступая дорогу чему-то чудовищному, неведомому, идущему извне.

Вот оно... Перламутровое переливистое мерцание, будто тысячи крохотных звездочек собрались в облачко, живой искристый рой... Лава под ним шипит, щетинится, щерится разводами и... прогибается, расходится, как библейский Иордан.

Это все ближе... Мощь, чуждая, запредельная...

Она замирает в полужестае, испытывая несовместимые чувства страха и восторженного предвкушения.

Контакт...

Она чувствует, как некая бесплотная длань бережно, но крепко охватывает ее сакральную ментальную суть, и... медленно тянет наружу, выворачивая наизнанку.

Девушка задыхается от боли, но не кричит, седьмым чувством понимая: так надо, это во благо.

Кажется, пытка продолжается бесконечно, но вот очередной утробный стон, и решающий, рвущий душу рывок.

– А-а-а!!!

Бывшее монолитное тело взрывается щебенистой крошкой, а освобожденная квинтэссенция ее трансцендентного «Я» устремляется в холодные просторы большого Космоса.

И в ту же секунду, будто некая пелена, вечно скрывающая истинный вид вещей, падает, сорванная неведомой волей. Она замирает, растерянно взирая на другой мир, незнакомый, пугающий...

Воля, покой...

Легкие, но настойчивые толчки в плечо. Встревоженный голос:

– Эй, девонька...

Кира с трудом собирает в кучку обрывки сознания, выныривая в реальность, и распахивает веки. Еще секунда, и она

вспоминает все, что было до того, как... Растерянный взгляд шарит по сторонам:

– Киса... гм... убежала...

– Какая киса? Ты как, болезная? – дородная тетка лет шестидесяти склонилась над ней, серые глаза полны сочувствия и какой-то родной домашней теплоты. – Очухалась?

– Да, вроде... – девушка сглотнула и с наслаждением вдохнула добрую порцию свежего прохладного воздуха, – я в порядке.

– Куда там, в порядке. Вроде молодая, а в обморок хлопнулась. Ну и поколение, хлюпики. Глянь на себя: тощая, бледнющая, малокровная. Студентка, наверное?

– Ага.

– Тебе бы кушать побольше. Хочешь – идем ко мне. Я картошечки с грибочками пожарю, подкрепишься.

– Н-нет, – окончательно придя в себя, она легко поднялась на ноги. – Спасибо вам, не беспокойтесь. Просто голова закружилась.

– Уверена?

– Да, – решительно прерывая затянувшееся общение с сердобольной незнакомкой, Кира рванула вперед, – до свидания.

«Уф-ф, ну и...» – она возвращается мыслями к странному видению, такому яркому, реалистичному, шокирующему, – «Что это было, глюк, бред, кошмар? Нет, во сне боли не чувствуешь, а тут... как скрутило-то, ух-х... И... кошка, с нее

все началось, она как-то связана с этим. Может...»

– Да чтоб тебя! – девушка чертыхнулась, снова ступив ботинком в очередную грязную лужу. – Сколько можно, в одну и ту же газовую камеру?! – Впервые после случившегося, она подняла глаза, окончательно возвращаясь в унылую городскую действительность.

Что-то не так.

Необъяснимое ощущение сюрреалистичности происходящего, исподволь растущее изнутри, не проходило, наоборот – становилось все тверже. Казалось, кто-то вдруг сдернул с окружающего тончайший иллюзорный флер. Вроде бы все то же: вид, формы, но при этом чуть иное, откровенное, голое, как вареное яйцо, с которого сняли скорлупу. Мир словно снял маску, явив истинный неприглядный облик.

«Город изменился? Нет», – девушка вздрогнула, в миг осознав истину, – «не город – я! Но с чего бы?..»

Что-то крутится в голове, подсказка рядом, вот-вот... И тут ее словно скальпелем в мозг – укол-воспоминание: зона камня и лавы... ее извлечение... и – вот оно: новый взгляд, видящий правду.

Она резко останавливается. Из горла – сдавленный стон:

– Что со мной сделали?! – и тут же спасительная трусливая мыслишка: «а может, почудилось?»

– Извините, – нечаянно задевший ее невзрачный проходной, облаченный в не по сезону легкий серый плащ, дви-

нул дальше. Кира оглянулась в спину мужчине, и похолодела от неожиданного откровения: она была совершенно уверена, что бедняга тяжело болен, больше полугода не протянет.

«Нет, не почудилось».

Что делать? Сказать ему? Да кто ей поверит?

«Бесполезно», – студентка тихо икнула, прислушиваясь к чему-то внутри себя, и отвернулась.

Зеленый, пора.

Она шагнула на «зебру», и замерла на месте, оцепенев от потрясения. Сознание зашло в истерику, не в силах принять увиденное. В двадцати метрах от нее, на середине горбатого моста, грузно облокотившись о перила, стоял тот самый незнакомец в плаще, а над ним возвышалась огромная, не меньше трех метров в высоту, призрачная тварь. Легкое, даже несколько изящное насекомовидное тело опиралось на три длиннющих членистых ноги, спавшееся брюшко сладострастно подрагивало, будто насыщаясь, крохотная безглазая башка продолжалась тонким, подобным комариному, жалом, вонзившимся в череп человека, и все это струящееся, ирреальное создание было каким-то зернистым, будто сотканным из тысяч зыбких, тлеющих багровым частичек.

– Мамочка... – выдохнула девчонка, уже точно зная, что случится через мгновение. Ее сердце рвануло к горлу...

Ржавый скрежет тормозов, и резкий удар бампером в левое бедро. Подброшенное тупой механической силой, ее тело летит, с хрустом ломаемых ребер врезаясь в верхний край

кузова седана, повинуюсь рвущей инерции, ботинки слетают с ног, мир делает стремительный двойной кульбит и неумолимо встречает ее холодными объятиями мокрого асфальта.

Тьма...

Холодно... мокро...

Пещера.

Она где-то глубоко в недрах, в узкой извивистой каменной глотке планеты. Мягкое ненавязчивое свечение сочится со всех сторон, развеивая тьму до полумрака. Низкий узкий лаз сплошь изломан бурными скалистыми выступами, сочащимися влагой, ей же пересыщен тяжелый неподвижный воздух подземелья.

Полнейшая вязкая тишина не пугает, наоборот – умиротворяет, ласкает утомленные чувства.

Ее переполняет какая-то легкость, восхитительная уверенность в совершенной независимости от материального, косного. Противоречивые приятно-жутковатые чувства. Она бросает взгляд на собственное тело и... замирает от восторга – его нет, сейчас она – лишь бесплотный сгусток сознания-духа, ничего более.

«Но почему я мерзну, если нет плоти? Странно».

Легким усилием воли она начинает путь, движется по замысловатому естественному лабиринту, все ниже, ниже... вправо, влево, опять влево...

Еще один поворот, и вдруг... страница оказывается

в небольшом, поразительно красивом гроте. Его тяжёлый свод и стены исполнены ребристыми выступами влажного камня темно-красного оттенка, усыпанного точечными вкраплениями сверкающего кварца (откуда-то извне приходит мысль: «как звездное небо на заре творения»), а покатое дно пещеры украшает идеально круглая сверкающая линза озера тяжёлой, абсолютно неподвижной ртути.

Что-то извне...

Всем своим существом она чувствует некую чуждую природную силу, полную торжественности и в то же время какой-то пугающей неумолимости.

Словно в магический кристалл, она смотрит в зеркальную гладь. Танец металлических бликов на поверхности завораживает, гипнотизирует, он замирает на миг, и вдруг трансформируется в её собственное отражение, то, что из плоти. Сколько раз она видела это в зеркале, вроде бы все на месте, но... что-то не так.

«Подмена!» – она задыхается от омерзения и шипит:

– Кто ты?

Голос, неожиданно низкий, неживой:

– Я то, что в тебе и вне тебя, то, чего нет, и что было всегда.

– Не понимаю.

– Этого и не требуется.

– Чего ты хочешь?

– Гармонии.

– А я тут причем? Что происходит? Не хочу! Верни меня назад!

Лик отражения подрагивает, будто смеется:

– Поздно. Неприемлемо. Ты уже иная, прозревшая. Семя проросло, скоро принесет плоды...

– Ты о чем? Объясни толком.

– Не торопись. Время ответит.

Еще мгновение, и образ смазывается, рассыпается искрами, преображаясь в нечто иное. Морок оживает, расцветая яркими красочными деталями. Еще мгновение, и она будто погружается в уже знакомую неприветливую вселенную огня и боли.

Там, вдали, сквозь тяжелую мглу токсичных испарений смотрит на нее огромный глаз медового цвета с узкой вертикальной щелкой зрачка. Она уже видела его. Где?

Ритмичная дрожь земли неожиданно приятна, вибрация успокаивает, ласкает чувства... Сквозь обволакивающую муть блаженства вдруг проклевывается мысль-откровение: «Так это же... Он мурлычет, этот мир...»

Вспышка...

2

Достаточно секунды, чтобы понять: это уже не сон, не видение. Грубая реальность сжимает странницу по призрачным мирам в своих суровых объятиях. Да, она снова имеет

собственное тело, это чувствуется по тяжести, разлившейся по членам. Голова... череп будто наполнен расплавленным свинцом. Запах... что-то знакомое, медицинское.

Слабым движением Кира пытается сдернуть с себя легкое одеяло, распахивает веки, щурясь от яркого света, пытается глубоко вздохнуть и... вскрикивает от острой кинжальной боли, будто током пронзающей левую часть груди.

– Тихо, тихо, – над ней склоняется высокая симпатичная женщина в белом халате, – не дергайся, нельзя. У тебя слева под кожей гематомица¹ была, вчера вскрывать пришлось – почти литр крови откачали. Только что перевязку сделали, – незнакомка кивнула в сторону лотка с использованными тампонами и салфетками отвратительного бурого цвета, – сейчас уберу, – медицинская сестра наполняет шприц и прокалывает трубку капельной системы, жало которой погружено в вену пациентки, вводит содержимое в систему, – потерпи, сейчас полегчает.

– Что со мной? – хрипит она в спину уходящей сотруднице. Поздно, та исчезает, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Нервно икнув, стараясь не шевелиться, студентка скосила глаза на мудреный аппарат с парой электронных табло, стоящий у окна больничной палаты и перевела взгляд на вышеупомянутый лоток. Среди замаранного перевязочного мате-

¹ **Гематома** (от др.-греч. αἷμα «кровь» + -оμα «опухоль») – ограниченное скопление крови при повреждениях тканей с разрывом сосудов; при этом образуется полость, содержащая жидкую или свернувшуюся кровь (прим. автора).

риала и обрезков пластыря хирургической чистотой сверкало хищное лезвие забытого скальпеля.

«Ох-х...»

Вид режущего инструмента произвел на больную неожиданное острое, гипертрофированно-негативное действие. Откуда-то из самого нутра вдруг накатило, нахлынуло, что-то темное, чужое, подавляя волю, заполняя душу вязкой смолой обжигающей первобытной тоски. Совершенно неожиданно невыносимая острейшая депрессия рухнула на сознание чугунной наковальней. Так плохо ей не было никогда.

«Боже!» – девушка скрипнула зубами, с трудом сдерживая рвущийся из утробы животный вой. – «С чего это вдруг? Без причины...»

Словно под гипнозом, она вновь взглянула на скальпель, отчаянно борясь со жгучим желанием схватить его, и...

«Нет!» – Кира резко отвернула голову к стене, вызвав очередной ожог болью в груди. – «Соберись, Каин!»

Она закусила губу, зацепившись взглядом за серебристый стержень штатива для капельницы, как за спасательный круг, концентрируя на нем внимание, гоня прочь подползающую панику.

Сквозь муть тяжелой меланхолии, откуда-то из глубин собственного «Я» пришла стальная уверенность: «Это – атака на сознание, не мое, идет извне. Однозначно».

Из сухой глотки вырвалось хриплое:

– Да пошел ты! Не дожدهшься!

Слегка полегчало, но в голову вдруг полезли шальные мысли: «Зачем я? В чем смысл?» На пике волны какой-то лавинообразной экзальтации, мятущийся разум начал рожать нервные ломанные строки:

Пыль, гниль,
Вот и тебя коснулось,
Тень, лень...
Вздригнула и проснулась
Вся жизнь
В этой пустой борьбе.
Где зло —
Около иль в тебе?

Время решать:
Да или нет,
Тощий с косою
Ждет твой ответ.
Может ты зря
Топчешь паркет?
Ты же живой,
Да или нет?

Скальпель в руках,
Взгляд в облаках,
Ты уж реши
Плюнуть, иль жить.
Нет или да —
Духа вода,

Да или нет —
Неба ответ.
Солнце и рожь —
К Богу идешь,
Зависть и ложь —
Нет, не поймешь.

Бес меня в мир принес,
Как банный лист – вопрос:
Кто я, зачем, куда,
Временно, навсегда?

Нет, не услышат, шок,
Ты не пророк, дружок.
В зеркало смотришь – дрожь,
Лица не узнаешь,
Ты это? Не похож —
Как в подреберье нож.

Гной, боль,
Как от опасной бритвы,
Тьма, ноль —
Это твои молитвы.

Хочешь туда – ныряй
Меряй Христа венец,
Только не забывай —
Путь тот в один конец.

Вот и решай:
Нет или да,
Можешь уйти
Прочь, навсегда.
Или остаться,
Да или нет,
Верить, дарить
Творчество, свет...
Жить для других,
Не для себя,
Боль или стих
Плача, любя...

Истины не нашла,
Света не обрела.
Видеть дерьмо и тлен
Легче, чем встать с колен.

Гложет вина и стыд,
Манит лишь суицид:
Бритва, флакон, петля...
Нет уж, не для меня!

Тухлые мысли – прочь!
Только б минула ночь...
Скоро роса, рассвет...
Все-таки да иль нет?..²

² Здесь и далее – стихи автора.

Творческий выплеск привел к катарсису, самоочищению. Тьма отступила, ушла. Настроение делало крутой вираж в небеса, хотелось жить, петь...

«Что это было, что за дрянь?» – девушка дышала ритмично, но поверхностно, стараясь щадить рану. – «Какая тварь влезла в мой мозг, зачем? И вообще: как такое возможно?»

Кира ни секунды не сомневалась в возникшем чувстве внешней агрессии, верила ему. Казалось, с недавнего времени у нее внутри сформировался новый орган восприятия, способный чутко подбирать вещи, нет, не только это, куда шире – распознавать правду.

Снова и снова она возвращалась мыслями к произошедшему. Да, как бы фантастично это не звучало, но несколько минут назад она пережила самый настоящий удар по психике со стороны некоей силы. Вывод напрашивался: кто-то хочет ее смерти. Вопрос: кто, зачем? Кому перешла дорогу обычная бедная студентка?

«Да, влипла ты, подруга...»

Дверь со скрипом распахнулась на всю ширину, и в палату заволошно влетела все та же медсестра:

– Ох, чуть не забыла, голова дырявая! – женщина хватается лоток с «перевязкой», бросает странный изучающий взгляд на пациентку и удаляется с извинениями.

«Во, реактивная...» – стараясь не думать ни о чем, очистить мозг от пугающих мыслей, девушка осторожно поворачивает лицо в противоположную сторону, тупо гипноти-

зируя выцветший рисунок линолеума.

Стремящееся к зениту солнце, льющее сквозь стекло ровным потоком, запечатлело на стене неподвижный силуэт ее головы, плеча, вздернутой правой руки, свободной от кафельницы.

«Надо же, жарит, как в мае», – она вяло пошевелила пальцами.

Тень дернулась и повторила ее движение, а затем... вопреки воле хозяйки, сладко потянулась и лениво поднялась, изобразив сидячее положение.

– К-как?! – ошеломленный голос больной напоминал отрывистое воронье карканье. Она импульсивно вскинулась в постели, снова вскрикнув от резкой боли в боку. При этом (о чудо!) ее поза в точности повторила ожившую вдруг темную проекцию.

– Ну че ты орешь? – вкрадчиво промурлыкала тень. – Не дергайся. Себе же хуже делаешь, дуреха.

– Мамочки! – Кира судорожно сглотнула, ее голос срывался, сипел, как у запойной пьяницы. – Сначала приступ депрессии, потом глюки... Что со мной происходит?

– Да, накрыло тебя знатно, не по-детски. Но выбралась, молодец, а могла бы... – сущность на стене сделала выразительный жест, проведя ребром ладони по горлу. – А вот про галлюцинации – не права. Я вполне реален.

– Не может быть такого! – она выдохнула со всхлипом и зашептала, словно молитву. – Никого нет, никого нет...

Соберись, Каин!

– О, ну и фамилией тебя наградил предок! У тебя братишки нет, случайно? Гы! Ну что, каков твой вердикт: перед тобой морок или живой незнакомец?

– Нет тебя. Сгинь!

– М-да, вот она – женская логика. Ежели я не существую, то с кем ты сейчас разговариваешь, кого гонишь прочь? Неувязочка, барышня.

– Да пошел ты...

– Хм, а ты трусишка, оказывается, – тихий голос странно-го создання изобиловал вкрадчивыми кошачьими обертонами, – бежишь от действительности. Конечно, легче списать все на помутнение сознания, нежели иметь мужество принять действительность, хоть и пугающую. Но ты же уже видишь правду, девонька, признайся.

«А ведь она... он... прав», – студентка неожиданно поняла, что сама не верит в бредовость происходящего. Да, несмотря на всю видимую фантастичность событий этой минуты, она, как ни странно, ни на мгновение не сомневалась в их реальности, что-то, какое-то внутреннее животное чувство (то самое шестое чувство) в полный голос вопило о том, что глаза и уши не врут, то, что сейчас перед ней – натурально до жути, как бы ни хотелось обратного.

Вкрадчивый шорох дверной ручки.

«Да они задолбали шастать!»

– Это что за номер!? Куда собрались, в кому? – невысокий

шумный мужчина буквально заполнил собой палату. На его плечах, подобно рыцарскому ордену висела черная змейка фонендоскопа. – Ну-ка, живо ложитесь! У вас строгий постельный режим. Вот, умница.

Врач широко улыбнулся и присел на краешек кровати. Его голос преобразился, став мягким, сочным, успокаивающим:

– Очнулись. Ну, наконец-то. Я – ваш лечащий врач, Константин Кириллович. Как самочувствие, Кира Львовна?

– Хм... – девушка хрипло шепнула, – больно.

– Немудрено, – человек в белом устало выдохнул, – у вас перелом двух ребер, между прочим. Сейчас вы на обезболивающих, так что держитесь. Это не смертельно.

– Что случилось? Не помню.

– Ничего удивительного. Ретроградная амнезия³ – довольно распространенное последствие сотрясения мозга. Вы попали в ДТП и, если откровенно, легко отделались, – соседник легонько прикоснулся к ее плечу. – Сейчас время на вашей стороне, главное – покой и никаких резких движений. Запаситесь терпением, через пару дней станет полегче. Не волнуйтесь, все будет в порядке, обещаю.

– Доктор, – девушка слабо пискнула, пытаясь побороть накативший вдруг горячей волной страх, и скосила глаза направо, – вы там никого не видите?

³ **Ретроградная амнезия** – нарушение памяти о событиях, предшествовавших приступу заболевания либо травмирующему событию (прим. автора).

– Что? – Константин Кириллович проследил за ее взглядом. – Вы о чем? Мы тут одни с вами. Н-да... то лекарство, что вам колят, не наркотик, конечно, но довольно сильное средство, иногда действует на сознание, такое побочное действие. Вам бы сейчас успокаивающее не помешало. Я распоряжусь.

– Нет, нет, извините! Не надо снотворного. Мне просто показалось, – она вымученно улыбнулась. – Чего не привидится после такого... Вы же понимаете?

– Ну... как желаете, – во взгляде травматолога читалось легкое сомнение, – но если что – зовите. Слева, под рукой – кнопка. Видите? Если что – жмите, не стесняйтесь. Что ж, пока.

– До свидания.

И через десяток секунд тот же елейный голос:

– Ушел, костоправ.

– Ах ты гаденыш! – в мгновение избавившись от поджавшего хвост страха, удивляясь нахлынувшей вдруг отваге, обложенной в липкие одежды хамства, девушка зашипела горячо, страстно. – Затихарился, значит. Выставил меня идиоткой, засранец! Мало мне этой больнички, так пусть в дурку упекут, да?

– Тихо, тихо. Ишь, раздухарилась. Ну и жаргончик у тебя, а еще на филолога учишься.

– А ты откуда знаешь, пятно чернильное?

Головной вырост таинственного гостя расцвел вдруг осле-

питательной улыбкой:

– Ну, здравствуйте. Мы ж с тобой неразрывны.

– С чего это?

– Я же...

– Моя тень? Ха! Вот только не надо тут втирать, делать из меня идиотку. Ты – кто угодно, только не она. А ну признавайся, что ты такое, зачем приперся?!

– А готова ты к правде-то?

– Готова, – сдержав желание глубоко шумно вдохнуть, Кира в упор взглянула на собеседника. – Давай, колись, жду ответа. Только не надо тут нести чепуху про оптические проекции.

– Да, подруга, не ошибся я в тебе. Это радует.

– Ты о чем?

– У тебя потрясающая интуиция, то, что в народе называют чуйкой, очень ценное качество, наверняка досталась от предков. Ты это делаешь непроизвольно, на уровне инстинктов, сама не замечая того. Вот смотри, иной бы в подобной ситуации сутками маялся от мучительных подозрений в том, что мое явление – бред, галлюцинации, а ведь ты в два счета определила, что это реальность, ни на миг не сомневаясь в своем выборе. Второй пример: твой вызывающий нагловатый тон можно объяснить только одним: несмотря на всю внешнюю невероятность происходящего сейчас, ты ни капельки не боишься меня, в минуту разобралась, что я не несу опасности для тебя, более того – возможно, буду

чрезвычайно полезен, при случае... Впечатляет.

– Ты так и не ответил на вопрос о себе.

– А сама-то как думаешь?

– А че тут гадать – демонское отродье. Звучит, как полнейший вздор, конечно, но разумных объяснений не вижу.

– Угм... – темный гость расплылся аморфным облаком, сдерживая рвущийся наружу хохот. – Начнем с того, девочка, что демонов, как и прочей нечисти не существует, и ты сама это знаешь уже, только не смеешь признаться себе в этом. Ладно, давай обо мне. Гм... как бы тебе подступнее... Наверняка, в университете вы изучали Платона. Помнишь, что такое абсолютные идеи?

– Да, – Кира сухо сглотнула, ужасно хотелось пить, – так он называл высшие первичные понятия, рождающие из хаоса разные материальные объекты. Он считал, что все окружающее создано идеальным миром таких максим. Идея тополя образует тополиные заросли, идея голубя – голубей и так далее.

– Ага.

– Погоди, ты хочешь сказать...

– Именно. Ты, как всегда, тут же почуяла истину. А мой визит к тебе в виде тени, – собеседник тихо хихикнул, – забавная шутка: являясь твоей первоосновой, прототипом, я пришел в виде твоей же проекции. Как тебе парадоксик? По мне – остроумно.

– У тебя есть имя?

– Мы называем себя изначальноными, поскольку, рождаем творения вашего мира, отражаясь в нем, но, учитывая сказанное, можешь звать меня Хомо.

– От Ното – человек? Ясно, – Кира бросила взгляд на зовущую синь неба за окном. – Минуту назад ты сказал, что не ошибся во мне, следовательно, пришел не просто так, тебе что-то нужно от меня. Признавайся, чего хочешь.

– И с логикой все в порядке. Вот, умница! Хвалю, – гость сделал театральную паузу и промурлыкал. – Да, так и есть. У великого Провидения кое-какие планы на тебя, немалые. Но, прежде, чем приступить к делу, ты должна сделать выбор: длить бледное существование, как прежде, или шагнуть в неизвестное.

– Как в том фильме: синяя пилюля или красная?

– Ни в коем разе, – голос пришельца из высших сфер зазвенел серебряными колокольчиками, – тут принципиальное отличие: если ты не решишься, отклонишь предложение, то никогда не забудешь того, что случилось в эти два дня, ни те далекие миры, которых коснулось твое сознание, ни тварь, которую видела на мосту (ты же помнишь это?), ни этот разговор.

В мозгу студентки будто какая-то заслонка открылась, амнезии и след простыл, ее память в секунду вернула события того рокового дня, да в таких пугающих красках, в таких подробностях, что на какое-то мгновение бедняга потеряла себя, забыв, где находится. Добрых пять ударов сердца потре-

бывалось на то, чтобы обуздать лавину чувств, загнать их назад, в подсознание, поглубже.

– Ого! – Хомо был искренне удивлен. – Чтобы так лихо задавить эмоции, надо иметь нехилую волю.

«Так, Каин, спокойно. Включай разум», – она все-таки шумно выдохнула, кривясь от боли и просипела:

– Вот только комплиментов не надо. Не прикидывайся лопочкой, я же знаю, ты хочешь использовать меня.

– М-м... заметь, я этого и не скрывал. Но ты так и не ответила. К чему тянуть время? Решай.

Девушка притихла на минуту, пытаясь разобраться в своих чувствах, и выдавила уныло:

– Что ж, вот тебе ответ: я не смогу жить, как раньше, эти воспоминания не дадут мне покоя. Ты загнал меня в ловушку, хитрован и предвидел мое решение. Если откровенно, это бесит. Не понимаю, для чего ты предлагал выбор, если его нет, одна фикция?

– Умненькая девочка, раскусила старика. Конечно, я спросил для проформы, да и ответа не жду – и так вижу, ты уже выбрала свой путь, так что можешь не отвечать, к чему эти формальности?

– Еще вопрос: почему я?

– Да почем мне знать? Тебя выбрали.

– То самое Провидение? – слегка скривившись, Кира извлекла из вены иглу опустевшей капельницы. – Что оно такое, Бог?

– Нет, конечно. Кстати, ваш Создатель, каким вы Его себе представляете, слишком антропоцентричен, человечен, в таком виде Его нет и быть не может. Провидение – Его творение, оно всего лишь один из нас, ну, может чуть повыше. Тут ничего божественного, это существо, облеченное сверхсилой, не только созидающее и разрушающее, но и планирующее ход всех событий, от полета мотылька у твоей головы до рождения солнц и галактик, оно творит судьбы, строго следит за их реализацией, управляет всем сущим, – изначально понизил голос до шепота, – и сейчас его взор коснулся тебя, не сегодня, а в тот день.

– Когда меня сбила машина? Не понимаю, что произошло тогда, почему я стала видеть такое?.. Я буквально кровью чувствовала будущее того мужчины, а потом... жуть! Откуда это.

– Тебя изменила Зрячая, наделила особым даром.

– Кто?

– Та, кого ты назвала валькирией.

– Кошка? – девушка глотнула воздуха, не находя слов. –

Ох-хренеть!

– Именно. Наш мир очень сложен, многогранен, населен массой неведомых вам созданий, и не все они дружелюбны. Материальное – то, что доступно вашим человеческим органам чувств – всего один из слоев бытия. Так вот, эти мурлыки видят окружение таким, каково оно есть (как ты сейчас), а некоторые из них – избранные, являются проводника-

ми воли Провидения. В тот день, вчера, ты встретила именно такую кису, и, как следствие, отныне способна воспринимать все в истинном свете, правда, пока частично, урывками. Этот дар видения может раскрыться в тебе полностью, ежели пожелаешь.

– Пожелаю? Ты о чем?

– Пока ты закрыта: твой разум инстинктивно защищается от незнакомого, пугающего. Но стоит мысленно отвориться, захотеть, и... – Хомо снова лучисто улыбнулся, – скучать будет некогда, уж поверь. Да, к слову: эта обретенная способность поможет тебе пройти свой путь, без нее – никак.

– Путь? Вот тут поподробнее, пожалуйста. Похоже, мы добрались к главному вопросу: для чего я вам, что должна сделать, что ждет от меня это... гм, Провидение?

– Ох уж это пресловутое человеческое любопытство.

– Не любопытство, а здоровый прагматизм. Мне надо знать, во-первых, чего от меня хотят и, во-вторых, чем это чревато?

– Пока тема закрыта. Извини.

– Ну, здарсьте! Ты обрабатываешь меня битых полчаса, обхаживаешь, как шлюшку в таверне, втягиваешь в какую-то непонятную авантюру только для того, что бы сказать, что сам не знаешь, для чего все?! Зачем тогда вообще притащился?

– Ну, ну, не кипятись, – Хомо сконцентрировался до маленького антрацитового пятнышка, – всему свое время. Сей-

час лишняя информация тебе противопоказана, она может навредить не только тебе, но и запороть все дело. Понимаешь?

– Во, загнул. И как же, позволь спросить, мне тогда выполнять эту вашу... миссию, если о ней – ни слова? Это же абсурд.

– Не заморачивайся. Просто живи, плыви по течению, а цель... она сама тебя найдет, гарантирую. Понимаю, неопределенность бесит, но потерпи чуток, пару часов, а потом... Ты почувствуешь, когда все начнется. Еще вопросы?

– Не знаю... Ой! – Кира нервно сглотнула. – А как же универ, учеба? Сессия на носу...

Темная проекция на стене драматически развела в стороны свои культяпки:

– Да, подруга, убила просто. Тебя ждет такое... фантастическая перспектива, а ты думаешь о таких мелочах. Сейчас ты похожа на мальчика Пиноккио, перед которым открылась сказочная дверь, а он, дурашка, вместо того, чтобы ступить в мир мечты, возвращается в грязный подвал с желанием поднять оторвавшуюся от курточки пуговицу. Включи мозг, это же несоизмеримые ценности.

– Хорошо, – пациентка сделала вялое движение, пытаясь подняться, – убедил. Я готова. Ой!

– Куда ты, калека?! В таком состоянии и шагу не ступишь, избранная, блин. погоди, сейчас я тебя подлатаю, – собеседник дружелюбно гоготнул и замолк на секунду. – Ну как?

Девушка прислушалась к своим ощущениям, замерла, боясь поверить, и... глубоко вдохнула. Боли не было совершенно! Да и чугунная тяжесть в голове испарилась, исчезла изнуряющая слабость, тело пело от восторга чудесного исцеления, жаждало движения, действий...

Она делает робкое движение рукой, еще раз, уже смелее, энергичнее, теперь – двумя... Великолепно!

Легко поднявшись с постели, она метнулась к крану, наполнила стакан ледяной водой, опрокинула его залпом и выдохнула:

– Вот за это большущее спасибо, приятель! Не думала, что способен на такое. Как ты сделал это?

– Если коротко – вернул тебя в то состояние, что предшествовало аварии. А вот как – ни малейшего понятия. Когда я творю подобные фокусы, экспериментирую с материей, живыми телами, это происходит, как... зевок или чих – инстинктивно, без погружения в суть действия. Я просто желаю что-то, и – бац – это случается. А твоего физического исправления я желал, еще как, поверь, прототипу не очень приятно, когда его проекция получает дефект, это довольно мучительное ощущение, дисгармония раздражает. Вот и пришлось исправить девочку чисто из эгоистических соображений. Надеюсь, ты не в накладе?

– Нет, конечно.

Пришелец из мира идей слегка дернулся и понизил голос:

– А сейчас тебе следует активировать полученный дар,

он готов раскрыться, выйти, как цыпленок, уже пробивший скорлупу. Помоги ему, так будет быстрее.

– Что я должна сделать?

– Ничего архисложного, – собеседник снова осветился белоснежным оскалом, – просто расслабься, забудь обо всем, постарайся сконцентрироваться на себе, на том, что внутри тебя. Можешь даже уснуть, если получится. Все произойдет само, мягко, безболезненно. Это родится, его уже не удержать. Готова?

– Ага.

– Приступай.

Девчонка сомкнула веки и медленно, с чувством выдохнула, стараясь ментально закуклиться, отгородиться от всего внешнего. Привычная методка, практически ритуал – она всегда проделывала что-то подобное, пытаясь заснуть. Процесс идет стремительно, по накатанной: посторонние звуки отступают, отдаляются, легкий звон в голове, тело не чувствует постели... да и где это тело?... нет его... она словно парит в невесомости. Сознание мутится, никнет, в оглушенном мозгу рождаются какие-то смутные мимолетные образы, неразборчивые звуки своего/чужого голоса.

Все гаснет, и она погружается в привычный парадоксальный мир сновидений...

Все ее астральное естество вдруг заполняет тяжелое, неповоротливое отражение чужой мысли из прошлого ми-

ра: «ТЫ ВСЕГДА УМЕЛА ЧУЯТЬ ПРАВДУ...» и тут же взрывается, разлетаясь легкой дымкой.

Через мгновение все меняется. Кира стремительно проваливается в далекое прошлое, переживая целую серию коротких видений-воспоминаний:

Она совсем кроха. Все чувства обострены до предела, окружение видится ярким, насыщенным красками, выпуклым, каждый миг пропитан звенящими свежими эмоциями, время движется медленно – каждая секунда до краев наполнена жизнью. Новый человек, новая вселенная... Счастье! И вдруг... что-то беспокоит: в ее крохотном чреве рождается желание. Она с возмущением кричит миру об этом. Кто-то большой родной обнимает ее, шепчет что-то ласковое, пустое, влечет к себе. Она уже знает, что последует далее и алчно тянет крохотные ручонки, касаясь пальчиками чего-то мягкого, теплого... это источник жизни. Малютка ловит губками сосок и жадно поглощает вкусное, вкусное... Покрытое младенческим пушком темя ласково гладит большая нежная ладонь, и она, еще не развившимся шестым чувством слышит, впитывает истинную материнскую любовь...

ПРАВДА. НЕТ ОБМАНА.

Она уже немного понимает речь, сама лепечет, учится ходить, все тянет в рот...

Вечер. Снаружи, за стенами гудит, завывает что-то могучее, пугающее, холодное, но дома тепло, уютно. Мама рядом, стоит у стола, что-то делает с бельем, плавные, уверенные, повторяющиеся движения. В памяти всплывает только что выученное слово: «утюг». На углу стола – стопка аккуратно сложенных вещей. Локоть родительницы неловко касается сооружения, и что-то светло-розовое падает на пол. Малышка узнает вещь, это ее... До дрожи охваченная неожиданным эмоциональным порывом, она восторженно взвизгивает, пытается сделать шаг... ох, равновесие подводит. Не беда, она падает на четвереньки и энергично ползет к вещице, параллельно вспоминая очередное слово «ползунки».

ПРАВДА. НЕТ ОБМАНА.

Ей три с половиной годика. Детский сад. Только что закончился обед. Она увлеченно играет в песочнице с новенькой формочкой для куличиков, подаренной мамой только вчера. Сосредоточенно сопя, дитя набивает внутренности ярко-оранжевой пластиковой вещицы влажным песком, усердно трамбует ладошкой, ловко переворачивает наполненную игрушку, приземляя на поверхность, аккуратно, не дыша, стараясь не повредить будущий шедевр, снимает форму и, затаив дыхание, завороченно смотрит на чудесным образом появившуюся объемную песчаную пятиугольную звездочку. Красота!

– Глянь, – бесшумно приблизившийся мальчик Дима, из параллельной младшей группы, протягивает ей что-то.

– Ох-х... – она зачарованно смотрит на маленький прозрачный шарик зеленоватого цвета, внутри которого играют волшебные переливы лучей летнего солнца. Вроде бы – обыкновенная стеклянная горошина, но малышке она кажется верхом совершенства, чудом, явившимся из мира сновидений. Нет ничего краше.

– Давай меняться, Кига.

– Давай, – она, не раздумывая, отдает свой подарок и забирает себе сокровище.

ПРАВДА. НЕТ ОБМАНА.

Она в четвертом классе, почти взрослая. Школа, урок русского языка, диктант «Родной город». Рядом, справа за партой сидит Вика Семенова. Они не подруги, не очень-то ладят. Закусив нижнюю губу от усердия, Кира пишет, изо всех сил пытаясь поспеть за темпом голоса учительницы и при этом не наделать ошибок. Ее соседка плохо успевает в учебе, не имеет авторитета у преподавателей, но на этот раз, похоже, неплохо подготовилась, тоже работает сама, старается, в ее сторону даже не смотрит.

Следующий день, тот же урок. Педагог оглашает результаты проверки. Вдруг женищина берет сразу две тетрадки, раскрывает их и вещает голосом судьбы:

– Семенова, Каин, ваши работы совпадают абсолютно,

все ошибки – одинаковы, даже исправления идентичны. Такое случается, только когда один списывает у другого, – женщина устремляет строгий взгляд в сторону ее одноклассницы, – и, кажется, я знаю, кто это сделал. Виктория, тебе – двойка!

Как же так?! Столп доверия маленькой Киры к старшим в мгновение рушится. Она точно знает, чувствует: соседка писала сама, по-честному.

ЛОЖЬ! НЕСПРАВЕДЛИВО!

Ей 13 лет, уже почти девушка. На дворе март, грязно, слякотно. Тут – только в резиновых сапогах. Какой-то странный толчок изнутри. Она поднимает взгляд, и видит, как из дома тети Людды – родной маминной сестры, выходит ее папа. Что-то весело насвистывая, он приближается к дочери, голос ровный, спокойный:

– О, Кирусик... В школу?

– Ага.

– А я тут к Люське заглянул, за файлами, – он показывает папку, зажатую в ладони. – Ну, пока, мне на работу...

– Давай...

Странный незнакомый зуд в мозгу, будто там рождается что-то нехорошее. Так и есть...

Шаг, другой, и вдруг это накатывает: всем нутром она чувствует, почти видит – отвратительная постельная картина...

ЛОЖЬ! МЕРЗОСТЬ!

Она уже предвидит приближение следующего напоминания из прошлого, с тревогой ожидает его, и вдруг вспоминает, что все это – не наяву.

– Хватит! – с усилием Кира пытается вынырнуть в явь. И тут...

Она снова чувствует свое тело. Внутри, где-то под диафрагмой, зреет нечто яркое, теплое, мощное. Вот-вот, еще немного и... Взрыв! В ее животе вспыхивает солнце. С какой-то иррациональной глубинной уверенностью девушка понимает: то, что открылось, принадлежит только ей, служит ей...

В ту же секунду она смахивает прочь иллюзорный мир грезы и просыпается.

Та же палата, та же капельница, тот же подозрительный, сотканный из мрака тип на стене... В его голосе – нотки удовлетворения:

– У тебя получилось. Умница.

– Что теперь?

– Тебе надо выйти отсюда. Я прикрою.

– Прикроешь? Ты о чем?

– Ну, замаскирую, временно, – Хомо тихо хихикнул, – никто из сотрудников и пациентов этого заведения не заметит тебя, их сознание будет направлено мимо, словно тебя нет

вовсе. Понимаешь?

– Не совсем.

– Это не важно. Тебе понравится. И еще, – гость кивнул в сторону прикроватной тумбочки, на которой вдруг материализовался сверток, – это твоё облачение, ну и денег достаточное количество. Пин-код – тот же, что и на твоей прежней карте. Помнишь его?

– Еще бы...

– Ну, тогда – вперед!

– Спасибо, – Кира стремительно переоделась, сунула пластик в карман джинсов, – а это зачем? – она коснулась тусклого овала небольшого зеркальца.

– Это индикатор. Он поможет. Только не спрашивай: когда, для чего? Придет время – сама поймешь, гарантирую. И еще, – темный выдержал многозначительную паузу, – после использования, уничтожь этот предмет, обязательно.

– Как?

– Вдребезги. Чего тут непонятного? – голос собеседника стал заметно глуше. – Тебе пора.

– А ты?

– У меня хватает забот, но если понадобится – зови, не обязательно голосом. Только помни: советом – помогу, но если влипнешь во что-то – выкручивайся сама, – силуэт изначального стал стремительно бледнеть, сливаясь с окружающим. – Ну что застыла? Двигай!

Вздыхнув с чувством, она распахнула дверь и скользнула

лаской в коридор отделения травматологии...

3

Вечер издыхает, уступая пространство и время тихо подползающей ночи.

Шаг, другой... что-то екает в груди...

«Что, опять?!» – он, чуть не споткнувшись, останавливается на тротуаре, не замечая проходящих мимо немногочисленных горожан, замирает, прислушивается к чему-то внутри своего естества.

Так и есть, не показалось. В черепе нарастает раздражающий звон, дыхание перехватывает, все чувства обостряются. Это случится, вот-вот... Где? Вот оно! Повинуясь внутреннему указателю, пульсирующему в мозгу, Эд поднимает голову и находит взглядом ключевую точку грядущего события – верхушка столба, то место, куда вмонтированы крепления керамических изоляторов, обмотанных электрическими проводами. Зрение становится тоннельным, он не видит ничего, кроме рокового объекта. Картинка приближается, словно при десятикратном зуме, и он обращает внимание, что одна из металлических жил порядком истерта, как раз в месте крепления к оси изоляционного «стакана».

Уже скоро...

Секунда, вторая...

Вот оно: жирный городской голубь садится на одну из ме-

таллических нитей, натянутых между столбами, неуклюже дергается, пытаясь удержать равновесие, инстинктивно взмахивает крыльями, касаясь при этом соседнего проводящего шнура. Все, цепь замкнута. В полном соответствии с законами физики, мощнейший разряд проходит сквозь тело незадачливой птицы, мгновенно убивая ее, превращая в паленый кусок мертвой плоти, камнем падающий вниз. Слепящая электрическая дуга короткого замыкания жжет, расплавляет слабое место ветхого провода, и тот рвется с режущим слух звуком лопнувшей басовой струны.

На какой-то миг время останавливается. Восприятие включается на полную. Он видит все, до мелочей, пропускает сквозь себя, чует чугунную поступь непреклонного фатума.

Искря электричеством, извиваясь, подобно разъяренной гадюке, смертоносный хлыст падает прямо на проходящего мимо блондинистого юношу лет четырнадцати. Еще секунда, и...

– Не-ет!!! – орет Эд и выбрасывает вперед руку, будто пытаясь остановить неминуемое...

Что-то незримое, мощное, взрывается в его груди и неукротимым потоком вырывается наружу из растопыренной ладони.

В то же мгновение ледяной шквалистый порыв швыряет взбесившееся лассо прочь, в сторону. Обрывок кабеля чудом минует подростка, просвистев в трех сантиметрах от лица,

и легко касается шеи полноватой дамы среднего возраста. Цепь вновь замыкается. Невидимая лавина электронов молниеносно проходит сквозь плоть несчастной, обугливая кожу, разрывая ткани, обжигая внутренние органы, останавливая сердце, и бесследно исчезает в раскисшей влаге грязного снега под ногами.

Тело жертвы выгибает дугой и опрокидывает наземь, лицом вверх. Она уже мертва, но не ведающие этого мышцы выдают агональную тарантеллу – ноги бедняги дергаются в клонических конвульсиях.

Финита.

Бесконечно долгая секунда, и уши режет истеричный вопль одной из свидетельниц произошедшей трагедии, люди в панике кидаются в стороны, подальше от покоящегося на земле провода, неподвижного, но по-прежнему смертоносного.

Эд тупо смотрит в пространство. Ядовитая мысль пытается влезть в сознание, но он решительно душил ее уже давно затверженным аргументом: «Нет! Я не участник, я всего лишь свидетель»...

«Ой ли?» – глумливо шепчет его второе «Я».

Все, больше тут нечего делать. К бесам все планы на сегодня, сейчас ему нужно что-то... и, кажется, он знает – что.

Темно, ночь, полнолуние...

По сути – тупая физика – всего лишь противостояние

спутника на линии светила к Земле... но как красиво... будоражит, рождает какие-то глубинные первобытные чувства.

Немудрено, что именно такие периоды восславлены в сказках про вампиров, вурдалаков и иную нечисть...

Кабак...

Он шагает в распахнутый дверной проем и озирается.

Да, это то, что нужно. Не шикарный ресторан с его напыщенной скучающей публикой, чьи чувства холодны и вялы. Большинство из этой братии уже не способны жить по-настоящему, их восприятие притуплено, заглушено годами пресыщения и аномального декаданса. Иное дело – посетители забегаловки. Да, они полны пороков, но эти люди – натуральные, их эмоции естественны и незамутненны, они пылают, как первородный огонь Прометея, их страсти зашкаливают. Пусть тут угар и смрад (а порой – и кровь), но только здесь можно почувствовать человека во всей его изначальной незавершенности.

Тут он еще не был, но это не важно, все подобные заведения очень схожи: слоистые облака табачного смога, прущее изнутри щекочущее желание греха, полное отсутствие запретов и, если ты тут впервые – жгучее ощущение тайны... которая вот-вот отдастся тебе...

Эд тенью проходит по диагонали зала и садится в уголку, подальше от нежелательных взглядов.

Пить?..

Ха! В нем по жизни полно мути в башке, тут алкоголь

не конкурент, хотя... не помешает.

Он заказывает здоровенный бокал портера, баранью лопатку, ну... и соленого арахиса для композиции...

Глоток густого пойла, еще один, еще, до дна...

Пять минут, и он погружается в хмельную атмосферу вязкого коллективного транса. Тут уже не имеет значения, трезвы или пьян, в какой-то момент ты становишься частью единого разудалого бессознательного, понимаешь их с полуслова, желаешь того, что желает большинство присутствующих, ненавидишь то, что ненавидят они...

Морок...

Странно, противоестественно, но ему нравится это дикое природное состояние единения с толпой.

Почему он тут?

Это, гм... как топ менеджер, имеющий миллионы, добившийся всего и... разочаровавшийся; бедняга, которому вдруг захотелось сбросить гнет постоянного контроля собственной загнанной воли, послать все к чертям, пасть, погрязнуть в вонючем бытии пещерного братства тех, кого многие считают отбросами общества, погрузиться до самого дна...

И вот он, тут...

С маниакально-мазохистским наслаждением Эд глубоко вдыхает густую смесь застарелого пота, дешевого табака, прогорклых пережаренных шкварок, свежей, не до конца отмытой блевотины...

Все, он на время забыл, кем был, что делал... Теперь он – часть этого мерзейшего дерьма, объединенного диким демоническим пакостным плотским наслаждением.

Он в легком раздумье взирает на опустевшую кружку. Повторить? Нет, не то. Нужно крепче... самое крепкое.

Подозвав шустрого официанта, смахивающего на речного выюна в жилетке, шепчет хрипло:

– Абсент есть?

– Найдется.

– Тащи, гм... двести грамм.

– Фламбировать⁴?

– Упаси боже. Без этого пижонства, пожалуйста. Да, и сока, персикового.

Через пару минут заказ на столе.

Эд плеснул изумрудной жидкости в пузатый бокал, задержал дыхание и опрокинул в себя, тут же, не вдыхая, запив соком.

– Уф-ф... – он откинулся на спинку стула и, сомкнув веки, сосредоточился на ощущениях. Секунд сорок, и внутри, под ложечкой будто взрывается крохотное солнце. Ласковое тепло разливается в животе, выше и... ярким потоком заполняет мозг, руша тайные подсознательные препоны, распахиывая скрипучие заслонки узилища, в котором таились жгучие неприятные мысли – все то, от чего бежало его сознание, то,

⁴ **Фламбирование** – буквально – поджигание блюда или напитка (прим. автора).

чего он не желал слышать.

Эд криво ухмыляется.

Что ж, именно за тем он и явился сюда – для эдакого ритуала катарсиса самопознания.

В памяти вновь всплывают драматические события полуторачасовой давности.

Смерть по воле случая... он встречает подобное уже в восьмой раз, и вот что поразительно: всегда, всегда тот, кому, как казалось, было предначертано уйти из этого мира, каким-то чудом спасается, но при этом непременно погибает кто-то другой, в обязательном порядке, неминуемо. Ни разу не пронесло, не случилось, чтобы смерть отступила, не забрав свое. Почему так? Если кто-то должен умереть, но избегает этого, то за это расплачивается тот, кто рядом. Это, как закон. Судьба добивается своего: есть заказ на труп – вот он, труп, получите, распишитесь.

В последнее время Эд все чаще представлял ангела смерти в виде плюгавого лысеющего клерка-бухгалтера в потертом пиджаке с несвежими, затертыми до блеска нарукавниками, главная цель которого – строгая отчетность, сохранение баланса по количеству преставившихся. Если в его адском гроссбухе прописано, что в данную минуту некто имярек должен отдать Богу душу, но выходит заминка, оплошность, значит это должен сделать кто-то иной, непременно. И пусть имя умершего не совпадает с написанным на желтом пергаменте фолианта смерти, главное, в данной строке, на-

против его единички стоит оттиск штемпеля «исполнено». $1 = 1$, а что не тот – плевать. Тупая фатальная математика.

Еще бокал зеленого эликсира. Пять минут, и процесс самопогружения запущен. Эд почти не воспринимает убогое внешнее окружение, его внимание полностью обращено внутрь себя. Сейчас все его сомнения, тайные мысли, опасения полностью открыты, освещены внутренним взором. Там много неприглядного, но среди мусорной свалки застарелых проблем и комплексов алым обжигающим бликом выделяется одна пугающая догадка: «ОБРЫВ НЕ ТЕХ ЖИЗНЕЙ – ТВОИХ РУК ДЕЛО».

Вот оно! Эта мысль регулярно возвращается после каждого фатального происшествия, когда погибает не тот, кто обречен, проклят роком. Она живуча, настойчива, и как ни вытесняй ее в подсознание, снова прорастает, как неистребимый колючий сорняк на ухоженном поле его мироощущения. Почему так? Да потому, что это правда, от нее не убежишь, как ни петляй.

«Нет!»

Правда порой ранит.

Он роняет голову на руки, трусливо пытаюсь избавиться от навязчивых мыслей, но поздно: маховик рефлексии раскручен на полную, этого уже не остановить. Заползай, братец, на дыбу, милости просим...

Включается безжалостная железная логика: Всякий раз, когда Эд видел надвигающуюся на кого-то смерть, он страст-

но желал спасти несчастного, всей силой души. Это шло откуда-то изнутри, будто там отворялось что-то, высвобождая древнюю непознанную силу, которая... Да кто знает, откуда она и что делала? Важнее результат: когда он, в который раз, в отчаянии орал «не-ет!!!», в тот самый миг, в обязательном порядке происходило нечто, какое-то внешнее воздействие (как резкий порыв ветра в прошлый раз), которое в корне меняло ситуацию, отводя гибель от приговоренного и убивая иного, кому «повезло» оказаться рядом.

И так происходило всегда, все восемь раз.

Надо быть последним идиотом (или трусом) чтобы не понять бросающийся в глаза факт: Эдуард Лот – человек, способный точно менять нити бытия других в самые ключевые моменты их существования. Да, как бы он не бежал от этого, но стоит, в конце концов, принять правду: он тот, кто ведет опасную игру со смертью, совершая судьбоносные рокировки чужих кончин.

В голове шепчет неумолимый голос разума: «Вот она, истина, уже не увильнешь. Признай же это, прими, станет легче».

Мужчина утробно стонет и роняет голову на ладони, не замечая, что говорит вслух, глухо, чуть слышно:

– Как это происходит? Почему? Кто, какая сила наградила меня правом решать, кому жить, а кому?.. Зачем это нужно, черт возьми?! Ведь уводя от гибели одного, я неизбежно убиваю другого. Кто я: спасатель или серийный убийца?

Восемь живых – восемь трупов. Гребаное могильное равновесие!

Мысль скачет дальше, возвращаясь к последнему происшествию: «Кто ответит: для чего это, что я творю, добро или лихо? Кто из этих двоих был более достоин жить: тот тощий тинейджер или сожженная электричеством женщина? А вдруг спасенный мной мальчишка – социопат, будущий маньяк, исчадье, а та несчастная – мать троих детей, воспитывавшая их без мужа, отдававшая им всю себя? А теперь – сироты... Хотя... возможен и обратный вариант... Откуда это во мне? Что мной движет, какая стихия: Тьма или Свет?»

Нет ответа.

Он тяжело вздыхает и шепчет:

– Что за жизнь-то такая? Как хорошо было в детстве...

– А, плевать! – так и не притронувшись к мясу, он бросает купюру на несвежую скатерть стола и удаляется.

«А что, если я могу больше, не только спасать людей? Вдруг, возможно все?» – выйдя на улицу, он поежился от холода и замер на месте, заинтригованный смелой мыслью. – «Если эта способность мне дана свыше, стоит исследовать диапазон действия».

Оглушенному алкоголем разуму эта мысль кажется толковой, да что уж – гениальной. Лот пошарил взглядом вокруг, прикидывая, что бы такое попробовать?

«Вот, подходяще», – задрав голову, он уставился на горящий уличный фонарь, – «а если погасить его?»

С усилием сохраняя равновесие, он вытянул руку в направлении светящейся белым лампы и попробовал сосредоточиться.

Секунда, две... десять...

Бесполезно.

Что не так? Ага, когда он спасал приговоренных судьбой, сила выплескивалась вместе с его криком, с эмоцией. Может в этом ключ к успеху?

Звучно икнув, мужчина гаркнул, что есть мочи:

– Гасни, стекляшка!

Испуганный топот женских каблучков... Он оглянулся на звук – девичий силуэт спешно скрылся за углом.

– Ну вот, народ распугал. Пьянь ты, Лот, натуральная пьянь, – еще раз икнув, он уныло побрел до хаты...

4

Новый знакомый оказался прав: ее совершенно не замечали, смотрели сквозь.

Умело лавируя меж суетливыми незнакомцами в белых халатах, она уверенно приблизилась к лифту. Его створки распахнулись, подобно вертикальным челюстям неведомого чудовища, и девушку в который раз передернуло: она никак не могла принять свою новую способность видеть все без прикрас (что это: дар или наказание?). Да и как можно привыкнуть к этому бесстрастному оскалу совершенно чу-

жого мира, который глядит на тебя выгнившими глазницами мертвой материи? Каждая вещь, каждый предмет – иные, совсем не такие, какими казались прежде, вроде бы внешне не изменились, но стали какими-то пустыми, безликими, словно человек, представлявшийся живым, оказался вдруг трупом, лишенным души.

«Боже!» – она всхлипнула чуть слышно, помедлила секунду, и робко шагнула в тусклое помещение подъемника. – «Как жить с таким... подарком? Не хочу!»

Первый этаж.

Мышкой миновав приемное отделение, она вошла в вестибюль клиники. Холодная голубизна стен перемежалась широченными окнами, сквозь черные стекла которых сочились внутрь суетливые отблески полуденного города.

Выход!

Вот он, еще десяток шагов, и... тут беглянку будто кипятком изнутри ошпарило: прямо над сгорбившейся в кресле заплаканной женщиной (очевидно – родственницей местного пациента) склонился уже знакомый трехногий насекомоподобный монстр, жало которого было погружено в шею посетительницы, прямо под пульсирующей жилкой.

Удивительно, но страха не было, только нахлынувшее чувство омерзения, острое желание избавиться от чего-то неправильного, инородного.

«Ах ты чучело зернистое!» – не имея ни малейшего плана действия, не зная, что совершит в следующий миг, Кира

отважно шагнула к призрачной твари...

Гость тут же отреагировал – каким-то шестым чувством она почуяла его взгляд, исполненный неизбывной горячей тоски и тупой непреходящей боли. Еще мгновение, и он преобразился: то, что раньше имело форму, структуру, части зыбкого тела, вдруг будто взорвалось, превратившись в густое овоидное облако находящихся в постоянном движении частичек, похожих на крохотные полупогасшие угольки. Это напоминало огромный рой черно-багровых пчел, рой, имеющий единую волю, цель...

«Что за...» – она резко выдохнула и чуть отступила назад. – «Стайный организм?»

Еще два заполосных удара сердца, и таинственное существо неторопливо двинулось к стене, легко просачиваясь сквозь нее, исчезая за секунды.

«Что это было? Призрак? Они так выглядят? Нет, это...» – тут же, будто из глубин первобытной родовой памяти выползло тяжелое слово, – «мрачник, натуральный мрачник».

Кира нервно сглотнула, оглянулась на немногочисленных людей в белом, которые по-прежнему совершенно не замечали ее, и решительно распахнула дверь.

«Прочь отсюда! На воздух...» – по инерции девушка шагнула вперед и... обмерла, тихо выдохнув:

– Ох, мамочки... Да что же это?

Ее глаза видели совсем не то что должны, мозг отказывал-

ся воспринимать жуткую картину. С тех пор, как она в последний раз была тут, мир преобразился до невозможности, да что уж – он превратился в нечто невыносимое, inferнальное в своей отвратительной угрожающей форме. Нет, город вроде бы стоял на месте, дома и проспекты те же, но абсолютно все материальные объекты были сплошь покрыты мясистой рыхлой зеленовато-бурой гадостью, утыканной колючими редкими волосками-вибриссами. Разросшийся квази-организм жирным одеялом покрывал буквально все: крыши и стены зданий, остовы уличных фонарей и светофоров, ставшие слепыми рекламные щиты, свисал вязкой бахромой с балконных выступов... только асфальтовое покрытие дорог, как ни странно, оставалось чистым, нетронутым. Полис опустел, вымер, будто пожраный взявшейя невесть откуда пакостью. И вся эта тошнотворная, сочащаяся липкой слизью мерзота, постоянно двигалась: медленные пульсирующие волны истоиво сотрясали это, несомненно, живое, до дрожи жуткое пугающее нечто.

«Уф-ф...» – девчонка согнулась пополам, с трудом сдерживая рвотные позывы. – «Такое и во сне-то видеть не захочешь, а тут – в натуре... Вот же, лысые ежики...»

Что теперь? Вывод был очевиден.

«Назад, в клинику!» – бывшая пациентка суматошно развернулась, рванув ко входу в приемное отделение, и... влезла по самое запястье в неожиданно горячее, утробно чвакнувшее месиво. От входной двери и следа не осталось.

– Паскуда! – странница резко вырвала руку и стала истерично трясти конечностью, стряхивая липкие органические остатки. – Нет! – она бросилась к ближайшей луже у бордюра и принялась усердно отмывать кисть в холодной грязной воде. – Вот же, гнусь!

«Что ж, значит вперед. Должен же где-нибудь быть выход из этого кошмара».

Она долго бредет по темным пустынным улицам, стараясь не смотреть на мягкие текучие стены нависающих многоэтажек, которые, казалось, дышат чужой враждебной недожизнью.

Это не город, это труп города.

Вот и канал...

Девушка подходит к гранитному бортику, покрытому слизью, и тупо смотрит вниз, на тяжелую черную воду, густую, как смола.

«Что это?» – ее глаза ширятся в ужасе, из горла рвется сиплый душасший хрип...

Это не вода, это та же омерзительная биомасса, которая медленно течет на север, образуя густые, неспешные воронки дерьмоворотов, а среди них... человеческие тела. Она четко различает каждое из них, кажется, даже узнает некоторых... это горожане... бывшие горожане, а теперь – лишь пустые останки плоти, лишенные душ. Они не тонут, погружены лишь наполовину, и почему-то каждый – лицом вверх, будто в немом укорке к бессильным хмурым небесам.

Шок. Она не может оторвать взгляда от этой рвущей сердце картины тотального торжества смерти, угасания настоящего, природного, живого, его превращения в отвратительную пародию на жизнь, хлюпающую насмешку над ней.

Минуты идут, и Кира вдруг замечает некоторую перемену: косная тупая субстанция медленно обволакивает плоть мертвых, покрывает их лица, выжирая глаза, проникая в опустевшие глазницы, в мозг... а дальше... как в дешевом ужастике о зомби – тела начинают проявлять некое подобие жизни, движения... Вот один вяло цепляется за нижнюю ступеньку лестницы, спускающейся к каналу, соскальзывает, но упрямо продолжает свое движение. За ним второй, третий... Вот уже целая дюжина пытается подняться наверх, выйти на ждущие их вторжения пустые улицы. И у них получится, это очевидно.

Страница видит, понимает: это уже не люди, это слепые равнодушные солдаты того отвратительного стихийного начала, что воцарилось в ее городе.

Тихий булькающий звук за спиной...

Девчонка резко оборачивается и вдруг понимает, что вот прямо сейчас наверняка напрудила бы в штаны, если бы не сходила в туалет загодя, полчаса назад. То, что находилось в двух шагах от нее, трудно было назвать человеком, скорее, это отвратительная карикатура на него: горбатое кособокое тело, сотканное из той же вездесущей субстанции болотного цвета.

Уродец, когда-то бывший женщиной, распахнул беззубый рот, протяжно квакнул, и неторопливо шагнул к бедняге.

– Ох, боженьки! Да что же это?! – Кира громко икнула, и опрометью пустилась прочь.

Откуда-то из самых глубин ее существа ледяным студнем поднималось чувство обреченности, безысходности, напроць пожирившее жалкие остатки надежды. Панические приливы наводняли мозг кипятком сумбурных скачущих мыслей: «Бегство... А спасет ли оно? Эта гадость кругом, ей нет конца. Куда... куда?..»

Она металась по знакомым, но совершенно чужим улицам. Каждая арка зараженного города, каждый вход во двор походили на разверстые слюнявые пасти, готовые проглотить перепуганную беглянку.

Она свернула налево, и зашла в визге, наткнувшись еще на двух таких же гомункулов. Один из них, совершенно лысый, громко пукнул и неожиданно проворно протянул к ней куцый трехпалый обрубок... еще пара сантиметров, и...

– Да чтоб вас! – уже не имея времени на отступление, дивясь неожиданно нахлынувшей горячей волне ярости, избранная, что есть мочи, пнула вражину в промежность (или что там у них вместо?..), тот утробно хрюкнул и согнулся пополам. Повинуясь инстинкту, она лихо, по-каратистски, нанесла размашистый удар ногой по склизкой щеке агрессора и увидела вдруг, как удивительно легко его безглазая башка отделилась от тела и, хлопнув, приземлилась рядом. Похо-

жий на огромный кусок дерьма кругляш разинул сопливую пасть и прохрипел:

– Верни, что подарено.

– Что?! – зыркнув на второго, странница снова рванула в противоположную сторону.

Прочь, прочь...

«Вроде оторвалась», – она бежала уже не меньше минуты, вот знакомый мост через канал... что-то яркое мелькает слева...

– Ох-х... – резко остановившись, Кира оглянулась. Нет, не показалось. В нескольких метрах от девушки, прямо в сумрачном влажном воздухе светилось желтым размытое по краям, призрачное полуметровое веретено. – Что это?

В мозгу вдруг защекотало и вкрадчивый мыслешепот проворковал изнутри:

– *Это лазейка.*

– Ты кто такой? – сил на удивление уже не было. Она сделала шаг к загадочному объекту.

– *Твой гид, консультант. Не надо бояться, я всего лишь функция-информатор, которая дается избранному в придачу к его дару видения истины. Вернемся к делу?*

– Давай. Так что это за штука?

– *Мир устроен сложно, его многослойное пространство не всегда гомогенно, кое-где оно искривляется, довольно значительно, образуя своеобразные карманы, отнорки, сокры-*

тые для живых. Но видящие, такие, как ты, способны заметить эти закутки, пользоваться ими. Понимаешь, о чем я?

– Кажется, да. Я могу спрятаться там?

– *Без проблем. Внутри нет опасности.*

– Вот спасибо, – не медля ни секунды, Кира отчаянно подалась вперед, раздвигая руками края светящейся щели...

Легкое головокружение, звездочки перед глазами и... самоощущения возвращаются в норму.

Сумрачно, сухо и – о, благо! – ни малейших признаков уже порядком опостылевшей вязкой субстанции.

Тепло, мягкая трава под ногами, звук, похоже на стрекот, теплое солнышко у горизонта...

– Так это же... кузнечики! – девчонка восторженно хихикнула. – Стоп! Тут лето, определено. Значит...

– *Пространство и время неразрывны, где деформируется одно, там неизбежно искажается и другое.*

– Прямо по Эйнштейну. Надо же... – странница присела и глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, – гм, мокро.

Только избежав опасности, немного придя в себя, девушка поняла вдруг, насколько устала.

Она уставилась на сочную молоденькую зелень, украшенную сверкающими жемчужинами капелек росы:

– Выходит, тут утро, – она прислушалась к переливистой трели рядом, в кустах, над головой. – Вроде зяблик.

Взгляд беглянки упал на сиреневое соцветие одинокого клевера, чуть возвышающееся над удивительно однородной

зеленю. Это растение разительно отличалось от остального окружения, будто явилось из иного мира: неестественно яркие краски, идеальная фактура, без единого изъяна, казалось, оно даже слегка опалесцировало.

– Надо же, красавчик... да еще и четырехлистный, счастливый, – растянув губы в восторженной улыбке, Кира протянула руку и бережно тронула пальцем головку цветка, – ох-х...

Ее будто коснулось нечто... Больше всего это напоминало чистый поцелуй, в самую душу. Долгая секунда блаженства, и вдруг – волна, могучая, холодная, призрачная... Девушка почувствовала, как в нее, в ее тело, бурно вливается этот незримый поток фантастической мощи, сила, которой нет предела, стремительно заполняла все естество оцепеневшей беглянки, проникая в каждую клеточку, осваиваясь и... засыпая. Необъяснимое вторжение закончилось так же неожиданно, как и началось. Будто и не было ничего.

«А может, показалось?» – девчонка вздрогнула, словно выходя из транса, шепнула:

– Эй, консультант.

– *Слушаю.*

– Что это было?

– *Нет ответа,* – в мыслеголосе проводника слышались нотки тщетно скрываемой растерянности, – *это явление не знакомо мне, информация отсутствует. Плохо.*

– Вот как? Ну и какой толк от такого умника? – она кисло

усмехнулась и попыталась собрать мысли в кучку. – Ладно, подумаем об этом на досуге, а пока... займемся выживанием. Так, что дальше? Пора включать логику. Думай, Каин, думай, выход должен быть.

Проблема была налицо: мир внезапно взбесился, трансформировался в чудовищный адский полигон. Вопрос: почему, откуда взялась эта полуживая дрянь? А вдруг это сейчас везде, всю планету опутало?

От внезапной догадки стало не по себе.

Время идет, четверть часа минуло, не меньше, а результатов нет, мозговой штурм не помогает.

«Что же это, спасения нет?» – чувствуя подкатывающую исподволь оторопь, Кира нервно вздрагивает и закрывает глаза. Подлая память рисует омерзительный образ оторванной башки липкого голема, его сиплый голос: «Верни, что подарено».

«Они хотят забрать мой дар, вот в чем причина погони. Но зачем?» – она звучно сглатывает. – «Нет, сейчас важнее другой вопрос: что делать? От консультанта совета не дождешься...»

– Стоп! – девушка с силой стукнула кулачком по колену, скривилась от досады, и вдруг широко улыбнулась. – Тень. Точно! Он же обещал помочь. Эй, Хомо!

– Тут я, – знакомый неторопливый голос, – мрачновато здесь, потому и не видишь меня. Зачем звала?

– Нужна помощь.

– Ясно. Только...

– Да, да, – в нетерпении странница по закоулкам пространства-времени перебила гостя, – я помню твои слова: физически ты не вмешиваешься в мои дела, но обещал помочь советом. Верно?

– Да. Постараюсь.

– Для начала объясни: что за inferнальный кошмар творится, что стряслось с миром?

– С миром? Гм, значит, не смекнула еще. Не те вопросы задаешь, избранная.

– А ты кончай говорить загадками. Можешь просто ответить, прямо, без трепотни?

Хомо задумался на пару секунд и изрек:

– У меня нет полной уверенности, но полагаю, что все, виденное тобой с недавних пор – игра некой серьезной силы, моего уровня. Все бы ничего, но кроме этого я чувствую вмешательство еще кое-кого (не понимаю, зачем это ему?) и вот эта персона, если откровенно, посильнее меня будет. Тут, м-м... не хотелось бы неприятностей... Так что в данном случае не в моей власти тебе помочь напрямую.

– Как?! Ты же обещал. Вот же, гадство! Выходит, я конкретно вляпалась? Надежды нет?

– Почему же? Я держу слово. Как бы это банально не звучало, выход есть всегда, в любой ситуации. Открыть тебе его я не могу (своя шкура дорога), а вот намекнуть...

– Ну?

– Безусловно, сейчас у тебя проблема, серьезная, но вот что замечательно, преодолеть ее способно лишь одно существо во Вселенной – ты сама, девочка моя.

– Я? Ты что несешь? Что может обычный человек там, где спасовал даже изначальный?

Хомо тихо хохотнул:

– Все просто: в данный момент именно ты – центр всей этой катавасии, это крутится вокруг тебя. Страшный гниющий мир, тупые мертвяки, спасительный отнорок пространства – все, что видела и видишь сейчас, направлено против тебя и ради тебя.

– Кончай вещать парадоксами. «Против» и «ради» – эти слова противоречат друг другу. Что за бред?

– Бред! – голос невидимого собеседника взлетел на целую октаву. – Вот оно! Это слово – ключ к решению. Конечно, когда ты переживала этот кошмар в остром стрессе, буквально выживала, разум был в панике, мог и не заметить чего-то важного, не до того было. Но сейчас-то ты спокойна, способна на анализ. Так что соберись, включи разум, раскрой память. Вспомни, подумай, что было не так, что ты вообще можешь сказать об атаковавшем тебя мире? Твои впечатления.

– Станный, какой-то... неестественный.

– Так, так... горячо... – голос собеседника снизился до вкрадчивого шепота. – Сосредоточься, не торопись, не думай о времени, здесь его нет. А теперь – факты, мелочи. Может, что-то резануло, удивило?..

– Да уж... – Кира звучно выдохнула, – проще сказать, что не удивило, это же сплошной сюр, лавина иррациональности. Хотя....

Что-то мелькнуло на краю сознания...

Долгая пауза.

Девушка оцепенела в напряжении, пытаясь поймать за жабры скользкую верткую мысль-воспоминание. Мозг, казалось, раскалился от напряжения. Вот, вот, совсем близко, еще немного... и вдруг, будто поленом по черепу – откровение:

– Стоп! – странница не замечает, что почти кричит. – Тот урод, которому я по бубенцам зарядила, а потом снесла башку, он же... Точно: оторванная голова не может говорить! Для этого нужны легкие, нагнетающие воздух через голосовые связки, иначе – никак. Это закон физики, и он обязателен для всех миров. Что-то тут не так...

Пазл стремительно складывается. Только окончательно успокоившись, Кира вдруг понимает, что ее мучило с того самого момента, как только покинула уютное (как оказалось) помещение клиники: навязчивое непреходящее ощущение нереальности происходящего, бросающейся в глаза фальши окружения. Казалось, будто кто-то намеренно исказил знакомый мир пустой неуклюжей бутафорией, подделкой. Она понимает, вспоминает вдруг, что раскрывшийся дар ежесекундно орал об этом в процессе погони, но только состояние постоянного страха, адреналин, наводнивший кровь, меша-

ли ей сразу понять, услышать.

– Ну да, я же теперь могу видеть правду, не подвела чуйка, – она вскинула голову к темнеющим небесам, пожирая взглядом последнюю звезду в лиловой бездне, – это все – обманка. Значит...

– Великолепно! – голос Хомо взлетает до удовлетворенного крещендо. – Следовательно...

– Ничего не было. Все это – не по-настоящему. Это видение, – Кира глуповато гоготнула, – морок!

– Воистину. Справилась!

– Ладненько. Вроде понятно, но что это нам дает? Как избавиться от фантазма?

– Ну чего тормозишь-то? Включай думалку. Если мир нереальный, значит... ну!

– Он не существует, все это – только в моем сознании, потому и вижу его. Но делать-то что?

– Вот дуреха. Неужели тебе ни разу не снились кошмары?

– Было, конечно.

Голос стал тише, размереннее:

– А теперь вспомни, подруга, каким образом ты избавлялась от них, если получалось?

– Точно! Надо заставить себя проснуться! Всего-то. Спасибо тебе! Сейчас... – девушка крепко зажмурилась, пытается сосредоточиться, собрать волю в кулак и... вернулась в реальность...

– Вот же ж... – Кира Каин по-прежнему стоит посреди вестибюля приемного отделения клиники. Те же сотрудники, та же посетительница горюет в кресле у стены, то же время на часах, вот только загадочный мрачник бесследно исчез.

«Так и есть: все это было только в моем сознании, – она зябко поежилась, с опаской глядя на светящуюся надпись „выход“ над дверью, – развели, как дуру. Вот же гады! Я ж там такое пережила... думала вот-вот схарчат, а на деле... всего пара секунд прошло. Кому это надо? Кто, бес его дери, влез в мою башку?»

Она шепнула еле слышно:

– Эй, Хомо.

Тишина.

И внутренний гид помалкивает.

Похоже, оба они готовы вмешаться, только если действительно нужны, а значит, пока все спокойно, можно выдохнуть.

Кира мысленно перекрестилась и, как это было уже в фальшивой реальности, толкнула дверную створку и решительно шагнула наружу...

Город... родной, настоящий...

Что дальше? Куда идти? Какова цель? Только вопросы, ответов не было. Голова пуста, как воздушный шарик, эмоции остались далеко позади, истощенное каскадом немислимых событий сознание устало погрузилось в спасительный ступор.

Не стоять не месте, двигаться, куда-нибудь. Шаг, еще шаг...

Хриплый стон неподалеку...

– О, Господи! – девушка задохнулась, упершись взглядом в издыхающую на обочине крупную собаку (похоже, под колеса попала), над которой нависал еще один уже знакомый роеподобный монстр. – Изыди! – она шагнула вперед, легко прогоняя пришельца.

«Кто они? Что им надо?» – апатии как не бывало. Теперь ее захлестывали эмоции. Стыдливо отвернувшись от агонизирующего животного, студентка почти бегом припустила вперед. – «Похоже, этих тварей привлекает страдание. А может, они и являются причиной?»

Шорох шагов сзади...

Опасность! Она почувствовала ее сразу, оглянулась...

Враг! Крупный мужчина лет пятидесяти, шагает стремительно, тусклый взгляд прилип к ней намертво, как захлестнутое на шее лассо. И, как назло, на улице ни единого прохожего, будто вымерли.

Бежать!

Кира припустила вперед, слыша за спиной неумолимо приближающийся тяжелый топот, хриплое прерывистое дыхание.

Когда она поняла, что ее осознанно загоняют в определенное место, было уже поздно: позади узкая глухая улица, почти перекрытая пыхтящей тушей осатанелого хищника, а пе-

ред ней – квадратный зев подземного перехода. Идеальная западня.

В очередной раз преодолев себя (с недавних пор она испытывала страх замкнутых пространств), прыгая через три ступеньки, беглянка стремительно спустилась под землю. Мрачновато, тихо, только тощий одноногий парень одиноко сидит у кафельной стены, отрешенно выводя меланхолическую мелодию на зажатом в зубах варгане⁵.

Угловатый силуэт уже в проеме тоннеля, в трех шагах...

– Хомо, ты где?! – прохрипела девчонка.

Нет ответа. В памяти всплывает жесткое: «Советом – помогу, но если влипнешь во что-то – выкручивайся сама».

– Гаденьш!

Взгляд затравленно заметался по сторонам. Спрятаться негде, бежать бесполезно – он явно быстрее.

Она сдавленно сглотнула, теряя драгоценные секунды...

Поздно. Упырь уже нависал над ней, глаза переполнены холодной жадой убийства, лапищи тянутся к добыче. Рывок, и жертва уже лежит на грязной плитке, прижатая сверху грузным телом верзилы.

– Отпусти, урод!

С тихим вскриком юноша-инвалид бросается на нападающего сзади и тут же отлетает в сторону, отброшенный здоровенной рукой. Да, мальчишка оказался на удивление от-

⁵ **Варган** – музыкальный инструмент, который прижимается к зубам, ротовая полость при этом становится резонатором (прим. автора).

важным, хотя толку от этого...

Охотник замер на миг, будто прислушиваясь к чему-то. Тишина, даже дыхания нападающего не слышно.

«Что-то с ним не так», – она удивительно быстро подавля-ет горячий животный страх (словно все это понарошку, лишь эпизод страшного кинофильма, не более), пытаюсь найти выход из безнадежного положения, в упор смотрит на агрессора, – «ох, мать твою!» – взгляд девушки легко проникает внутрь тела мужчины и упирается в странное дымчато-зыбкое создание размером с крупное яблоко, по форме напоминающее пульсирующую запятуу, расположенную в верхней части груди, у основания шеи, прямо над сердцем.

Осознание приходит мгновенно: именно эта дрянь превратила человека в озверевшего маньяка, она – истинный враг.

Грубые пальцы уже смыкаются на девичьей шее...

«Ах ты, жаба!» – дикое первобытное бешенство захлестывает ее, изливаясь не на готового убить мужика, а на ту мерзость, что поселилась у него внутри. Кира буквально физически чувствует свою ярость, вонзающуюся, подобно стальному клинку, в рыхлое тело неведомого паразита... В то же мгновение серая сущность беззвучно взрывается, исчезает бесследно.

«Ох... размотала гниду», – она замирает на миг, делая сокрушительное открытие, – «выходит, воля избранной подобна оружию? Да, это я сделала, я...»

Но нападающий по-прежнему над ней, грубые пальцы замерли на горле... Еще секунда, и... Нет, Кира понимает, что продолжает дышать. Почему-то ее это не удивляет. Она снова смотрит вверх. Нападающий замер, оцепенел, глаза пустые, без единой мысли, словно его выключили. Мгновение, и он, с тихим хрипом, подобно тряпичной кукле, заваливается на каменное покрытие.

– Сгинь! – с трудом высвободившись из-под тяжелого, распластавшегося кулем тела несостоявшегося преступника, она услышала глухой стон. – Не ной. Жить будешь.

Истерично хохотнув, странница отступила на шаг, глубоко вдохнула и тут же почувствовала, как ее тело начала колотить запоздалая паническая реакция.

– Тихо, Каин, успокойся, дура.

– Ну, ты и... – испуганный шепот калеки помог немного прийти в себя, – здорово! Ты видишь их?

– Что? – она впервые взглянула в серые глаза неожиданного заступника. – Ты о чем?

– Гм, давай не здесь. Если менты нас тут застанут, рядом с этим, – парень кивнул на находящегося в глубоком забытии незадачливого горожанина, тихо усмехнулся, подбирая костыли, и ловко поднялся, – загребут, в лучшем случае, как свидетелей. У меня уже был печальный опыт общения с ними.

– Ага. Пошли.

Глава 2 Кто ты?

*Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаёшь.
Николай Заболоцкий*

*Невозможно быть свободным от того, от чего
убегаешь.*

Ф. Ницше

1

Дом, родной дом...

Звеня ключами, Лот открывает дверь, ступает внутрь родного жилища, тяжело вздыхает и устало плюхается в старенькое кресло в гостиной. Его губы непроизвольно растягиваются в теплой улыбке, глаза неторопливо шарят по причудливым внутренностям квартиры, в который раз наслаждаясь игрой светотени в фантастических формациях совершенства... сотворенного им совершенства.

Воистину, есть на что посмотреть. Все стены, потолок, проемы окон (всё, кроме пола) – укутаны, выстланы нежнейшим слоем замысловато переплетенных тончайших серебряных нитей, напоминающих паутину. Отливающие голубым

перламутром фибриллы тысячекратно переплетаются, образуя сложный неповторяющийся орнамент, словно танцующий в тусклых отблесках вечернего света, пугающий и завораживающий. Когда долго смотришь на это чудо, общая вязь вдруг начинает фрагментироваться, распадаться на отдельные участки, незнакомые знаки, определенно несущие некий таинственный смысл. Что это: письменность, шифр? Что закодировано в нем, как раскрыть сокровенный смысл послания самому себе? Как понять суть того, что создавалось неосознанно, в часы глубокого творческого транса? Нет, этот орешек ему не разгрызть. Сиди тут хоть сутками, напрягая плавающий мозг – тщетно.

Губы теряют улыбку и кривятся в тихом предвкушении. Он шумно выдыхает и переводит взгляд на любимое свое детище – зависшее прямо посреди комнаты объемное сооружение из того же материала, по форме напоминающее искристую асимметричную воронку застывшего торнадо, широкой частью упирающегося в потолок. Вроде бы шелково-невесомая, композиция нависает, довлеет, доминирует, сочится некой иррациональной стихийной мощью первозданного хаоса, заключенного в совершенную форму. По каждой паутинке, словно по отростку нейрона, время от времени пробегают стремительный световой импульс цвета электрик; это ритмичное мерцание дарует конструкции бередящее душу подобие псевдожизни. Да, в этом творении все безупречно, каждый изгиб дышит эталонной математической кривизной.

Порой кажется, что в чарующем шедевре заключена вся сокрытая потаенная гармония самого Мироздания, неведомая никому более...

Его зрачки расширились, взгляд помутнел, утопая в глубинах дышащего вечностью квазиконуса: «ты – мое творение...» и, буквально через два выдоха: «но, не принадлежишь мне»...

Это началось в далеком детстве, еще до школы, воспоминания до сих пор не стерлись из памяти...

Тусклый вечер в деревенской хате, за окнами выюжистым зверем беснуется февраль. Зыбкое пламя лампадки под образами в углу комнаты, старенький выцветший коврик на стене, хлопчущая рядом бабушка – все это кажется шестилетнему Эдику каким-то смазанным, нереальным. Очень больно глотать, тело мучает жар, хочется сбросить одеяло, но даже на такой пустяк не хватает сил. Хворь наваливается все сильнее, грузно давит, туманя разум, и мальчик проваливается в спасительное забытие...

Вот тогда это случилось впервые – сновидение, яркое, горячее и... какое-то не свое, будто наведенное извне. Он видел вроде бы знакомые вещи: тот же домик, деревня, заснеженные поля, но... нет, все иное, странное и повсюду – НИТИ, тонкие, извивистые, живые, они буквально пронизывали все вокруг, нет – они и являлись этим всем. Нити... они были... дыханием Вселенной, ее сутью, они длились, струи-

лись, свивались в клубки, образуя предметы, растения, людей. Еще в ту первую ночь нахлынувшего бредового откровения парнишка понял: в мире нет ничего, кроме этих волокон бытия, они – суть сущего.

Наутро стало гораздо легче, болезнь отступила, и он быстро забыл о минувшем видении. Но сновидение не ушло, оно повторялось, еженощно, приобретая черты кошмара, и это порядком давило на мозг, ломало мировоззрение.

Примерно через месяц непрекращающаяся пытка ночным наваждением дала результат: Эдик не заметил, как потерялся в чередующихся мирах дня и ночи, его ориентир реальности сломался, теперь мальчику уже непросто было отличить сон от яви, понять, что из этого – объективно?

Состояние было мучительным, но спасало одно – взявшаяся откуда-то уверенность: все идет, как надо, он эволюционирует, вызревает в нечто, проходит метаморфозу, подобно куколке, готовой превратиться в бабочку. С каждым днем мальчик чувствовал все острее: еще немного, вот-вот...

– Наберись терпения, – шептал он себе, – скоро это пройдет, ты станешь лучше...

Это произошло в один из погожих майских дней. Умаявшись от буйных детских забав (временно спасавших от тяжелых дум), запыхавшийся ребенок растянулся на молодой травке под сенью тенистого ясеня.

Нега здоровой усталости разливается по телу, теплый ветерок ласкает разгоряченную кожу. Хорошо...

И вдруг... легко, в секунду, куколка превращается в мотылька... Словно какая-то заслонка открывается в мозгу, выпуская на волю что-то новое, незнакомое, до дрожи восхитительное, необратимо меняя парнишку, даруя ему нечто уникальное...

Свершилось! Отныне юноша чувствует суть бытия, его матрицу, то, что лежит в основе основ... Да, теперь он знает, что делать... Солнце выглядывает из-за кроны дерева, и Эдик смотрит прямо на светило, долго, пристально. Это почему-то не приносит боли, наоборот – дарит приятное, доселе незнакомое, но желанное чувство прикосновения к чему-то далекому, невысказанному.

Минута, две... Картинка перед глазами плывет, ширится радужным ореолом, и вдруг, будто неведомый оператор поменял кадр – на фоне ослепительного диска он видит струну – ту самую, что встречал тысячекратно в еженощных грезах. Тоненькая, прозрачная, будто не из этого мира, не из этого времени. Паутинка уже готова исчезнуть, но он не позволяет этого. Чувствуя собственную силу, он держит ее движением воли, и по-хозяйски, будто проделывал это тысячекратно, манит к себе ставшую вдруг послушной нить основы сущего, приближает на расстояние вытянутой руки, и улыбается, с восторгом осознавая вдруг, что ОН СПОСОБЕН УПРАВЛЯТЬ ЭТИМ.

Так начались эксперименты Эдуарда Лота с поразительной субстанцией.

Ну а странный сон с тех пор не беспокоил мальчишку, восприятие цикла сон – реальность вернулось в норму. Худшее осталось позади.

Тогда это показалось естественным. И только спустя годы, повзрослевший Лот понял: если ты хочешь измениться, выйти на новый уровень, стать выше (в любом смысле: бытовом, профессиональном, творческом или трансцендентном, как это случилось с ним), придется пройти через боль, муки внутреннего преобразования, это неизбежно, в этом суть великого закона развития.

Да, началось с мелочи, а каких высот он достиг в своем необычном творчестве – мужчина в который раз обвел взглядом свое жилище. Есть, чем гордиться.

«Хотя... кому как... Эх-х... Да уж. О вкусах не спорят, за них ведут войны», – он досадливо скривился, вспоминая былое...

Живя затворником, однажды Эд решился-таки пригласить к себе подругу (Да, он не был полным аскетом, интересовался дамами, знакомился, порой встречался, но обычно все заканчивалось на стадии свиданки, лишь иногда его приглашали к себе...). Классический сюжет: цветы, кафе, вечерняя прогулка по городу и – пожалуйста к нам, мисс... Он гостеприимно распахнул дверь, пропуская подругу вперед... Казалось – вот оно – бинго! Но с этой секунды все планы полетели к бесам. Как только девица ступила за порог и оки-

нула взглядом внутренности его берлоги, бедняжку тут же скрутило в пароксизме рвоты.

Эта картина до сих пор стоит у него перед глазами: хрупкое тело сползает по косяку, икающий звук сквозь шумное дыхание, и хриплый надрывный голос:

– Лот, ты... ты... больной...

Как выяснилось, искусство «трансцендентного макраме» лучше держать в тайне.

Удивительно, как слеп порой бывает одинокий человек, и как неожиданно легко открываются у него глаза на очевидные вещи только при общении с другими.

Конечно, девушку он больше не видел, но был благодарен и ей, и скомканному свиданию, ведь только в минуту того неловкого происшествия на него чугунной наковальней свалилось ошеломляющее озарение: «Я СОВЕРШЕННО ИНОЙ, НЕ ПОХОЖ НА НИХ!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.